

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-217-226>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)+82.3

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. М. А. Дударева

г. Москва, Россия

АЛФАВИТ ДЕРЕВЬЕВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОБРАЗ ВЕТЛЫ И ЕГО ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Аннотация: В статье предпринимается попытка комплексного описания образа ветлы в русской литературе и фольклоре. Этот образ встраивается в мировой «алфавит деревьев», о котором писал еще английский этнограф и поэт Роберт Грейвс. Ученый воссоздал такой алфавит, обращаясь к разным культурным традициям и уделяя большое внимание греческой культуре. В русском национальном образе мира архетип дерева занимает особое место; дерево воплощает мировую ось и символизирует некую границу между мирами. Ветле родственны ива и ракета, которые ассоциируются с «иным царством» (на это указывают тексты колыбельных). В русской литературе образ ветлы частотен: его находим и у В. Жуковского, и у И. А. Бунина, и у М. Горького, и в поэзии XX в., а также в современной литературе, в художественном мире В. Дударева. Методология настоящей работы сводится к целостному анализу художественного текста с применением структурно-типологического и сравнительно-сопоставительного методов исследования. Эти методы позволяют перейти к описанию глубинных пластов литературы, проникновения фольклорной традиции в художественное творчество и вместе с ней танатологического комплекса. Понятие «фольклор» понимаем не узко, не ограничиваемся только словесными формами творчества, а учитываем миф, обряд, ритуал. Образ ветлы помещается в широкий контекст мировой культуры.

Ключевые слова: дерево, архетип, мировая ось, ветла, фольклор, миф, «иное царство», В. Жуковский, В. Дударев.

Информация об авторе: Марианна Андреевна Дударева — кандидат филологических наук, доктор культурологии, доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, 117198 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4950-2322>

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Дата поступления статьи: 21.12.2019

Дата одобрения рецензентами: 15.03.2020

Дата публикации статьи: 28.06.2022

Для цитирования: Дударева М. А. Алфавит деревьев русской литературы: образ ветлы и его фольклорные параллели // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 217–226. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-217-226>

В мировой культурной традиции существует представление об *алфавите деревьев*. В трудах по истории мифологии английского поэта и ученого Роберта Грейвса находим достаточно полное описание этого явления [6, с. 209]. Каждая буква алфавита соотносима с одним деревом: первая — береза, вторая — рябина, третья — ясень, четвертая — ольха, пятая — ива и т. д. Если вдуматься, то все эти деревья фигурируют не только в европейском фольклоре, но и в русском.

Обращение писателей к образу дерева обычно не случайно. Исходя из мировой мифологической и фольклорной традиции, архетип дерева ассоциируется с мировой осью. Дерево участвует и во многих ритуалах, включено в обрядовый комплекс в славянском фольклоре, часто подменяя человека. О древесной символике в художественном мире разных писателей русской литературы писали многие.

Лингвисты рассматривают дерево как особый концепт, включенный в большой контекст *национальной аксиологии*. Литературоведы за образом дерева усматривают также архетипическую структуру. Однако стоит уточнить, к каким именно деревьям обращается русская литература. Конечно, чаще всего мы обнаружим символизацию березы, дуба и вербы. На это указывают и фольклористы, и языковеды, занимающиеся вопросами лексики, фразеологии в контексте национальной культуры [13]. Если с березой и дубом с точки зрения номинации не возникает особых вопросов, то на вербу стоит обратить особое внимание, поскольку это дерево встречается в разных вариациях: ива, ракита, ветла. Перечисленные названия не есть одно, но художественная действительность всегда *преломляет* реальную и размывает границы восприятия. Некоторые исследователи русской лингвокультуры полагают, что ветла и ива «не характеризуются определенной символикой» [1, с. 39], но ветла, на наш взгляд, все же занимает особое место в лексике, в эстетике русской литературы.

Обратимся к генезису образа ветлы. Она *прорастает* в русской литературе XIX в. сквозь вольный перевод из Гёте — «Лесной царь» В. Жуковского, который *перерос* мифологического «Ольхового короля». Об этом еще тонко и точно написала М. Цветаева в эссе «Два “Лесных царя”», обратив внимание на большую разность между королем и царем [17, с. 429–430]. Последний весь русский, он и помещен в *национальный контекст*, в котором ветла — один из символов. Посмотрим на следующие строки:

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей».
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне» [11, с. 137].

В ответе отца, с одной стороны, проявляется *профанное сознание* — не видит и не хочет отец *чуда*, отрекается от метафизического видения мира. С другой стороны, здесь ветлы замещают фигуры «дочерей», что не случайно, так как женщина вполне совместима, по законам *ритуальной логики*, с древесным началом. Кроме того, учитывая вариативность в номинации дерева (ветла — ива — верба), стоит учесть и значение вербы в славянских обрядах. Верба соотносится с женским началом, с невестой [14, с. 69–71]. Возможно, здесь эта семантика у Жуковского несколько размыта, но Цветаева ее точно уловила: «Мы подошли к самой вершине соблазна и баллады, к месту, где Лесной Царь, неистовство обуздав, находит интонации глубже, чем отцовские-материнские, проводит нас через всю шкалу женского воздействия, всю гамму женской интонации: от женской вкрадчивости до материнской нежности; мы подошли к строфе,

которая, помимо смысла, уже одним своим звучанием есть колыбельная» [17, с. 431]. Итак, *эйдология* женского начала все-таки в поэме сильна и подкреплена образом ветлы, имеющей в фольклоре и другие дополнительные коннотации.

Слово «колыбельная» в эссе Цветаевой, может быть, возникло случайно, но нас оно отсылает к детскому фольклору, к колыбельным со «страшным сюжетом». В известном тексте о «сером волчке», начинающемся со слов «Баю-баюшки-баю», мотив укачивания ребенка сочетается с устойчивыми образами: край (ракитовый кусток / лесок), волк [4]. Этими словами, образами обозначено особое пространство — задана модель *края света*, т. е. границы между мирами. Именно на таком пограничье осуществляется с героем инициация. Лес, ракитовый кусток — локусы, потенциально связанные с *иным миром*. Можно дальше реконструировать элементы родильного обряда, с которым соотносимы колыбельные песни, но в данном случае мы лишь укажем на *амбивалентность* образа ракиты (вербы, ветлы), на которую часто обращают внимание и фольклористы [12].

Возвращаясь к литературному контексту, отметим еще раз семантическую насыщенность образа ветлы у Жуковского. Образ дерева сопряжен с женским архетипом и указывает на пограничное состояние героя. Хотя, конечно, тонкая серебристая ветла напоминает еще и в темноте привидение, но речь в поэме не об этом. В данном контексте ветла несет именно мифо-фольклорную нагрузку. Подобное сочетание образов (дерева и женского начала) встречаем и в поэзии XX в. Особенно полно из поэтов, также неоднократно обращавшихся к образу ветлы, это выразил и теоретически обосновал С. Есенин в трактате «Ключи Марии» (1918) в рассуждениях о древесной символике: «*Всё от древа* — вот религия мысли нашего народа, но празднество этой каны и было и будет понятно весьма немногим» [10, с. 190].

Метафизически заряжен образ ветлы и в прозе И. Бунина, в романе «Жизнь Арсеньева»: «Ее прежние колеи зарастали травой, старые ветлы, местами еще стоявшие слева и справа вдоль ее просторного и пустынного полотнища, вид имели одинокий и грустный» [2, с. 49]. Ветлы как бы сопровождают путь и раздумья Арсеньева (к этому фрагменту мы еще вернемся). Обращаясь в данном контексте и к прозе, мы можем показать, как значима именно *ветла* для русской аксиологии. Подобное мета-значение ветла приобретает и в рассказе М. Горького «Однажды осенью». Не углубляясь в метафизику сюжета, обратим внимание на парадигму «разбитая ветла — перевернутая лодка». Повествование начинается именно с этих деталей: «Небо тяжело и мрачно, с него неустанно сыпались еле видные глазом капельки дождя; печальную элегию в природе вокруг меня подчеркивали две обломанные и уродливые ветлы и опрокинутая вверх дном лодка у их корней» [5, с. 473]. Специалисты, анализирующие рассказ в фольклорно-мифологическом контексте, указывают на расширение смыслового содержания текста за счет образов-символов, ветел и лодки: «...в обычной (“профанной”) детали проступает у Горького определенное сакральное содержание» [16, с. 40].

Подобное амбивалентное значение образа ветлы мы найдем в поэтике Ф. Достоевского. В романе «Братья Карамазовы» литературоведы, занимающиеся проблемами символики и фольклоризма в художественном мире писателя, обратили внимание на инферность образов Ракитина и ракитового дерева, которые связаны не только номинативно между собой, но и на *внутреннем* уровне. Так, В. Е. Ветловская указывает на *поворотный* (для Алеши) характер ситуации встречи у одинокой ракиты: «Из ненавязчивых деталей, соединяющих выход Алеши в “мир” и возвращение его из “мира” в первый день, заметим связь между Ракитиным и той “уединенной ракитой”, под кото-

рой ожидает брата Митя. Эта ракета здесь же упоминается еще дважды, сопрягаясь с мотивом повешения» [3, с. 148]. Таким образом, семантика фамилии оказывается ритуально значимой. Если воспринимать ракетовое дерево / кусток (вспомним здесь и колыбельные) в архетипическом ключе, учитывать *иномирное* значение, то можно говорить о ритуальных маркерах в тексте Достоевского.

Сохранилась ли в современной литературе эта семантическая напряженность, значимость данного образа, не затерялось ли само слово «ветла»? Как ни странно, в современной поэзии — у В. Дударева — мы находим целую поэтическую книгу (уже переизданную и дополненную) с названием «Ветла». Еще Б. Ахмадулина обратила внимание на то, что молодой поэт сумел вытащить из глубин русского языка почти забытое слово «ветла». Его ветла открывает поэтический сборник и тут же ошеломляет читателя:

Мы можем бросить все дела,
Мы можем спятить, можем спиться...
Ветла
Не загорится! [7, с. 14].

Делай что хочешь, иди «базарь» жизнь («можем спятить, можем спиться»), но ветла *будет* стоять на месте. В этом есть нечто *архетипическое* и метафизическое — не случайно стихотворение открывается грозой, при которой даже лица видны:

Когда от молний ночь светла —
В окошках вздрагивают лица,
Но наша старая ветла
От молний вряд ли загорится [7, с. 14].

Гроза — пограничное время, *оний* час для человека. У Дударева — так и есть, оттого и лица «вздрагивают». Стоит обратить внимание, что ветла *старая*, но не умаление ее в этом, а возвышение. Она *перевидала* многое, бунинская — такая же. Критики, анализируя книгу «Ветла», уже обращались, аккуратно подступали к имени Бунина, проводя параллели с его поэзией. Однако связь с творчеством классика нам кажется более тонкой и носит латентный характер. Так, в другом стихотворении поэта («Провинция») вновь возникает ветла, но она дана *мимолетно*, не в качестве мирового древа:

Пусть побеждают миражи!
В них канет каждая из весен,
Но ты, прощаясь, расскажи:
О, сколько в мире верст и ветел! [7, с. 132].

Действие стихотворения начинается в «космическом пространстве», на что указывает образ *вселеновых ковшей*:

Пока вселеновы ковши
Над нами счастье проливают —
Ты целый мир любить спеши,
Куда б ни вывела кривая! [7, с. 132].

Такая космогоническая парадигматика продолжается в символической паре «верст и ветел». И в этом не только ритмическая находка автора, здесь крайне важна *семантическая сторона*. Молодой Арсеньев, путешествуя с отцом, смотрит на разбитые дороги и видит старые ветлы, которые как бы провожают его и терзают воображение *преданьями старины глубокой*: «Помню одну особенно, ее дуплистый и разбитый грозой остов. На ней сидел, черной головней чернел большой ворон, и отец сказал, очень поразив этим мое воображение, что вороны живут по несколько сот лет и что, может быть, этот ворон жил еще при татарах...» [2, с. 49].

Соблазнительно этот отрывок соотнести с первым стихотворением (к тому же Дударев очень ценил творчество Бунина, хорошо знал роман «Жизнь Арсеньева»), но его ветла грозой не разбита, гроза ее не тронула. Семантическая напряженность заключается совсем в другом. Ветла представлена в архетипическом свете, как нечто метафизическое и живое, повидавшее многое — «от татарских времен» до наших дней. И именно эти впечатления и должен донести до потомков лирический герой.

Версты и ветлы слились воедино — это напоминает мифо-ритуальный путь культурного героя, который должен дойти до мировой горы или мирового древа. В фольклоре это выражено в поэтике заговоров, так как заговорная модель мира включает в себя в первую очередь *путь героя*, его приобщение к сакральным знаниям и мировую ось, выраженную деревом / горой / камнем / солнцем [18, с. 108–127]. Текст Дударева по интонации напоминает заклинание, заговаривание человека и его судьбы:

Пока часовни на Руси
Еще остались у обочин,
Ты клятву в ночь произнеси
Неутолимей и короче! [7, с. 133].

Но есть у этого автора и другие ветлы, связанные уже не только с судьбой, но и с любовью:

Неутолимо хванчкары
Глоток упряма, родим и светел,
И серебрят меж ветел ветер
Сонеты солнечной игры.
Напитан звуками клавира,
Форель бурна, овечка блеет —
И в этом жизнь.
Так любит мир.
Но лишь поэт любить умеет.
Когда судьбу свою итожит,
Он различает —
час настал!
Любовь и смерть —
одно и то же!
И возникает мадригал [7, с. 161].

Конечно, речь идет о высоком модусе Любви. Образный строй обманчиво прост в этом стихотворении: ветер, форель. Но этот *огляд* жизни заставляет думать, приво-

дит к философской формуле «любовь и смерть — одно и то же!». «Ветер и ветлы», как и *версты ветлы*, тоже не просто удачная интонация и рифма, а особая парадигма — соединение воз-Духа, ветра, уже серебряного, с ветлой, мировым деревом. И, наконец, все три лексемы объединяются в стихотворении «Богиня», образуя стройный звучащий и метафизический судьбоносный ряд:

Какое пространство молчало!
 Какие сбывались мечты!
 Светило то жарко, то ало,
 Стеснялось своей наготы.
То версты,
то ветлы,
то ветры,
 /О, даже при мысли о Ней! —
 То самые темные ветви
 Тотчас становились темней.
 То золы каминные пели
 В трубе, словно в царстве теней.
 В лесах погребальные пеплы
 Кострищ становились темней.
 Лучам Ее не было ниши!
 Надтреснута завязь в узле!
 Слабея,
 темнее и тише
 Мы ждали Ее на земле [8].

Здесь выражены концепты и «судьба», и «любовь». Только ветла уже не серебряная, а темная, вдумчивая, ожидающая. Интересно то, что ива (ветла — это белая ива) в европейской традиции является священным деревом Гекаты, Цирцеи, Геры и Персефоны, т. е. всех связанных со смертью ипостасей Тройственной Лунной Богини [6, с. 218]. Как бы то ни было (независимо от знания поэтом этого факта), в стихотворении как бы неожиданно совмещены и темные погребальные пеплы, и ветлы, и ветры, создающие один *ритуальный комплекс*, да и стихотворение озаглавлено «Богиня». Здесь ветла также выполняет свою мифо-ритуальную функцию.

Можно проследить *трансформацию образа* ветлы в поэзии Дударева (хоть последнее стихотворение и не включено в книгу, написано годом позже). Вечная мону-ментальная непоколебимая ветла — ветла-провидица, совсем бунинская — ветла серебристая нежная, воздушная — ветла темная судьбоносная. О знаковости образа ветлы для автора (и — шире — дерева / древа) свидетельствует и обложка книги, точно подобранная: с одной стороны изображена кора, с другой — картина И. Босха «Слышащий лес и зрячее поле». Лес, деревья слышат и видят. Натурфилософия, даже язычество, пробиваются через книгу поэта и выступают в разных проявлениях. Но тема языческого, варварского — отдельная в поэтике Дударева. Последнюю подборку стихов, которая озаглавлена «Версты и ветлы Лесного царя», вышедшую за несколько месяцев до смерти поэта в «Литературной газете», открывает стихотворение «Лесной царь». В нем обыгрывается образ ветлы в контексте русской поэтической и филологической мысли, «Лесного царя» Жуковского и цветаевского эссе:

Филолог-Бог, кудесница Марина,
Когда птенец проклюнется вот-вот,
Моим стихам не то что магазина —
Листа бумаги даже не найдёт.

В них птица вещая — привычная ку-ку,
Как дата смерти на чужом веку.
Поэт не Жуковский и царь не лесной,
Чьи дочери-ветлы — чужой стороной [9].

Думается, что поэт не случайно воссоздал такое интертекстуальное поле в своем тексте. Не случайно, наверное, и то, что образ последней ветлы (стихотворение написано незадолго до смерти) связан с раздумьями о собственной творческой судьбе.

Итак, образ ветлы / ивы / ракиты встречается уже в текстах русского фольклора, в колыбельных песнях со «страшным сюжетом», где он носит архетипический характер, так как именно это дерево «сближается с образом Мирового Древа» [15, с. 37]. В русской литературе XIX – начала XX вв. ветла находит свое место — и в поэзии, и в прозе. За этим образом у Жуковского, Достоевского, Горького, Бунина кроется пограничная семантика, ветла является своеобразным маркером состояния *порога* героя. В современной поэзии лексема «ветла» также не потерялась: она реализовалась в полном объеме в поэтическом языке В. Дударева, который сделал образ дерева заглавным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Борисова Л. В.* Концепт «дерево» как лингвокультурный код // *Rhema. Рема.* 2014. Вып. 1. С. 34–45.
- 2 *Бунин И. А.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 5. 480 с.
- 3 *Ветловская В. Е.* Символика чисел в «Братьях Карамазовых» // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Л.: Наука, 1971. Т. XXVI. С. 139–150.
- 4 *Горбунова К. А.* Сюжет о сером волке в русских колыбельных песнях // *Scienceforum.ru.* URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/18/5298> (дата обращения: 14.12.2019).
- 5 *Горький М.* Однажды осенью // *Горький М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Худож. лит., 1949. Т. 1. 510 с.
- 6 *Грейвс Р.* Алфавит деревьев (I) // *Грейвс Р.* Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 207–239.
- 7 *Дударев В. Ф.* Ветла и другие стихотворения. М.: Худож. лит., 2016. 196 с.
- 8 *Дударев В.* Яти, Еры, Ери // *Независимая газета.* 2017. 16 марта.
- 9 *Дударев В.* Версты и ветлы Лесного царя // *Литературная газета.* № 37 (6704). 11 сентября.
- 10 *Есенин С. А.* Ключи Марии // *Есенин С. А.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Наука: Голос, 1997. Т. 5. С. 186–213.
- 11 *Жуковский В. А.* Лесной царь // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 2008. Т. 3. С. 137–138.
- 12 *Копытов Н. Ю.* К семантике фитонимических символов в фольклорных текстах (на материале песенной традиции Карагайского района Пермской области). URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/kopytov1.htm> (дата обращения: 14.12.2019).

- 13 *Красс Н. А.* Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка (на материале мифологии, фольклора и поэзии): дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 194 с.
- 14 *Толстой Н. И.* Из «грамматики» славянских обрядов // Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1982. Т. XV. С. 57–71.
- 15 *Топоров В. Н.* О структуре некоторых архетипических текстов, соотносимых с концепцией «Мирового Древа» // Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1971. Т. V. С. 9–62.
- 16 *Ханов В. А.* Фольклорно-мифологические «корни» рассказа М. Горького «Однажды осенью» // Вестник ННГУ. 2005. № 1. С. 37–42.
- 17 *Цветаева М. И.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5. 720 с.
- 18 *Шиндин С. Г.* Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговоры. М.: Наука, 1993. С. 108–127.

© 2022. Marianna A. Dudareva
Moscow, Russia

ALPHABET OF TREES OF RUSSIAN LITERATURE: IMAGE OF THE WHITE WILLOW AND ITS FOLKLORE PARALLELS

Abstract: The paper attempts to comprehensively describe the image of the white willow in Russian literature and folklore. This image is embedded in the world “tree alphabet”, which was written by the English ethnographer and poet Robert Graves. The scientist recreated such an alphabet, referring to different cultural traditions and paying great attention to Greek culture. In the Russian national image of the world, the archetype of a tree occupies a special place; the tree embodies world axis and symbolizes a certain border between the worlds. The white willow is related to willow and rakita, which is associated with the “other kingdom” (the texts of lullabies are indicative of this). In Russian literature, the image of the willow is frequent: it is found in the works of V. Zhukovsky, I. A. Bunin and M. Gorky, and in poetry of the 20th century, as well as in modern literature, in the artistic world of V. Dudarev. The methodology of this study consists in a holistic analysis of a literary text using structural, typological and comparative methods of research. The concept of “folklore” is not understood narrowly, since we are going beyond verbal forms of creativity, taking into account myth, ritual, and ritual. The image of the veil is placed in a wide context of the world culture.

Keywords: tree, archetype, world axis, willow, folklore, myth, “another kingdom”, V. Zhukovsky, V. Dudarev.

Information about the author: Marianna A. Dudareva — PhD in Culturology, PhD in Philology, Docent, Russian Language Department No 2, Institute of the Russian language, RUDN University, Miklukho-Maklay St., 6, 117198 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4950-2322>

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Received: December 21, 2019

Approved after reviewing: March 15, 2020

Date of publication: June 28, 2022

For citation: Dudareva M. A. Alphabet of trees of Russian literature: image of the white willow and its folklore parallels. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 64, pp. 217–226. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-217-226>

REFERENCES

- 1 Borisova L. V. Kontsept “derevo” kak lingvokul'turnyi kod [The Concept of “Tree” as a Linguocultural Code]. *Rhema. Rema*, 2014, vol. 1, pp. 34–45. (In Russian)
- 2 Bunin I. A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2005. Vol. 5. 480 p. (In Russian)
- 3 Vetlovskaja V. E. Simvolika chisel v “Brat'iakh Karamazovykh” [The Symbolism of Numbers in the Brothers Karamazov]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, vol. XXVI, pp. 139–150. (In Russian)
- 4 Gorbunova K. A. Siuzhet o serom volke v russkikh kolybel'nykh pesniakh [The Plot of the Gray Wolf in Russian Lullabies]. In: *Scienceforum.ru*. Available at: <http://www.scienceforum.ru/2013/18/5298> (accessed 14 December 2019). (In Russian)
- 5 Gor'kii M. Odnazhdy osen'iu [Once in the Autumn]. In: Gor'kii M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1949. Vol. 1. 510 p. (In Russian)
- 6 Greivs R. Alfavit derev'ev (I) [Alphabet of Trees (I)]. In: Greivs R. *Belaia Boginia: Istoricheskaia grammatika poeticheskoi mifologii* [The White Goddess: A Historical Grammar of Poetic Mythology]. Ekaterinburg, U-Faktoriia Publ., 2007, pp. 207–239. (In Russian)
- 7 Dudarev V. F. *Vetla i drugie stikhotvoreniia* [Vetla and other poems]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 2016. 196 p. (In Russian)
- 8 Dudarev V. Iati, Ery, Eri. In: *Nezavisimaia gazeta*, 2017, March 16. (In Russian)
- 9 Dudarev V. Versty i vetly Lesnogo tsaria [Versts and branches of the Forest Tsar]. In: *Literaturnaia gazeta*, no 37 (6704), September 11. (In Russian)
- 10 Esenin S. A. Kliuchi Marii [Keys of Mary]. In: Esenin S. A. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1997, vol. 5, pp. 186–213. (In Russian)
- 11 Zhukovskii V. A. Lesnoi tsar' [Forest Tsar]. In: Zhukovskii V. A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t.* [Complete works: in 20 vols.]. Moscow, Iazyki russkoj kul'tury Publ., 2008, vol. 3, pp. 137–138. (In Russian)
- 12 Kopytov N. Iu. *K semantike fitonimicheskikh simvolov fol'klornykh tekstakh (na materiale pesennoj traditsii Karagaiskogo raiona Permskoi oblasti)* [On the Semantics of Phytonymic Symbols in Folklore Texts (Based on the Material of the Song Tradition of the Karagay District of the Perm Region)]. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/kopytov1.htm> (accessed 14 December 2019). (In Russian)
- 13 Krass N. A. *Kontsept dereva v leksiko-frazeologicheskoj semantike russkogo iazyka (na materiale mifologii, fol'klora i poezii)* [The Concept of a Tree in the Lexical and Phraseological Semantics of the Russian Language (Based on the Material of Mythology, Folklore and Poetry): PhD dissertation]. Moscow, 2000. 194 p. (In Russian)
- 14 Tolstoj N. I. Iz “grammatiki” slavianskikh obriadov [From the “Grammar” of Slavic Rites]. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Works on Sign Systems]. Tartu, Tartuskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1982, vol. XV, pp. 57–71. (In Russian)

- 15 Toporov V. N. O strukture nekotorykh arkhетipicheskikh tekstov, sootnosimykh s kontseptsiei “Mirovogo Dreva” [On the Structure of Some Archetypal Texts Correlated with the Concept of the “World Tree”]. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Works on Sign Systems]. Tartu, Tartuskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1971, vol. V, pp. 9–62. (In Russian)
- 16 Khanov V. A. Fol'klorno-mifologicheskie “korni” rasskaza M. Gor'kogo “Odnazhdy osen'iu” [Folklore and Mythological “roots” of M. Gorky's Story “One Day in Autumn”]. *Vestnik NNGU*, 2005, no 1, pp. 37–42. (In Russian)
- 17 Tsvetaeva M. I. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. Vol. 5. 720 p. (In Russian)
- 18 Shindin S. G. Prostranstvennaia organizatsiia russkogo zagovornogo universuma: obraz tsentra mira [Spatial organization of the Russian conspiracy universe: the image of the center of the world]. In: *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury. Zagovory* [Research in the field of Balto-Slavic spiritual culture. Spells]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 108–127. (In Russian)